

СНЕЦ В КРЕЙЦЕРОВОЙ СОННАТЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

2-е ИЗДАНИЕ

РАЗСКАЗЪ М. КРИСТА
ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛИЙСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ БЕРМАНЪ И РАБИНОВИЧЪ, ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. 7

ТАМЪ ЖЕ И СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

КОНЕЦЪ КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

РАЗСКАЗЪ М. КРИСТА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛИЙСКАГО

2-Е ИЗДАНІЕ.

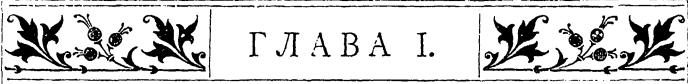
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ БЕРМАНЪ И РАБИНОВИЧЪ ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. 7.

ТАМЪ ЖЕ И СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 сентября 1894 года.

ГЛАВА I.

Въ большой церкви одного католического монастыря, въ Англіи, стоялъ на колѣняхъ передъ алтаремъ Божіей Матери и усердно, безмолвно молился пожилой бенедиктинскій монахъ. Онъ былъ одинъ въ церкви, такъ какъ всѣ исповѣдники уже удалились, а благодаря той любви и томууваженію, которыми патеръ Винцентъ пользовался въ околодкѣ за свою святость, аскетизмъ, безчисленныя добрыя дѣла и разумный, гуманный образъ мыслей, у него никогда не было недостатка въ исповѣдникахъ. И теперь, спустя нѣсколько минутъ, къ нему тихо подошла женщина, вся въ черномъ, и робко прикоснулась рукой къ его рясѣ; онъ обернулся и съ удивленіемъ увидаль передъ собою монахиню сосѣдней женской обители. Присутствіе монахини въ церкви мужского монастыря было столь неслыханнымъ событиемъ, что онъ, видимо, смущился, но сказалъ тихимъ голосомъ, въ которомъ слышалась искренняя доброта:

— Зачѣмъ ты пришла сюда, дочь моя?

Бѣдная женщина, очевидно, сильно стра-
дала физически и нравственно, такъ какъ она
схватилась обѣими руками за сердце, а нерв-
ная дрожь исказила ея лицо, которое, несмо-
тря на тяжелые слѣды болѣе чѣмъ зрелага-
востра, глубокаго горя и уродовавшихъ его
большихъ шрамовъ, сохраняло признаки когда-
то бывшей красоты. Монахъ все это быстро
замѣтилъ, а также призналъ, по складу ея
лица, что его неожиданная посѣтительница
была русская. Но въ ту же минуту она заша-
талась и, лишившись чувствъ, упала бы на
поль, если бы онъ не поддержалъ ее.

Не желая позвать къ себѣ на помощь
другихъ монаховъ и тѣмъ разгласить тайну,
которую, быть можетъ, таинственно явившаяся
къ нему монахиня желала сохранить отъ всѣхъ,
патерь Винцентъ бережно посадилъ ее на
скамейку и сталъ терпѣливо приводить ее въ
чувство. Черезъ нѣсколько минутъ это уда-
лось ему, и она, медленно открывъ глаза, по-
смотрѣла на него съ изумленiemъ, какъ бы
не отдавая себѣ отчета, гдѣ она и съ кѣмъ.

— Погоди, дочь моя, прежде успокойся и
совершенно приди въ себя.

Она повиновалась какъ послушное дитя

и впродолжение некотораго времени сидѣла молча. Наконецъ она прервала молчаніе, ея голосъ звучалъ мягко и мелодично.

— Святой отецъ, сказала она, я пришла къ тебѣ, чтобы ты спасъ меня отъ меня самой.

— Дочь моя, отвѣчалъ монахъ, я съ глубокимъ сочувствіемъ выслушаю твою исповѣдь и постараюсь примирить тебя съ Милосердымъ Богомъ.

— Святой отецъ, много лѣтъ я провела въ стѣнахъ нашей обители, но никогда на исповѣди не высказывала всего, что лежитъ тяжелымъ бременемъ на моей душѣ. Вся моя жизнь въ обители — одна ложь: вместо любви и мира, которые должны были бы царить въ моемъ сердцѣ, оно переполнено ненавистью къ человѣку, погубившему меня, и вообще презрѣніемъ ко всѣмъ людямъ. До сихъ поръ мое гордое сердце возставало противъ смиренной исповѣди, но я чувствую, что наступила минута открыть всѣ тайны моей души и молить Бога о прощении грѣховъ. Я знаю, что вы святой человѣкъ и ведете жизнь, полную самопожертвованій и добрыхъ дѣлъ, а потому чувствую, что вамъ однимъ могу повѣдать исторію моей жизни. Какъ бы я ни была грѣшна, но я столько выстрадала, что болѣе

нуждаюсь въ человѣчномъ сочувствіи, чѣмъ въ строгихъ укорахъ.

— Какъ бы черны ни были твои грѣхи, они обѣлятся, какъ снѣгъ, произнесъ монахъ такимъ тономъ, что наболѣвшее сердце бѣдной женщины ощутило немедленно какую-то отрадную сладость.

ГЛАВА II.

— Быть можетъ, никогда ни одна женщина не переживала того, что выпало на мою долю, начала она свою исповѣдь: моя жизнь, полная страданій, неожиданно была окончена ударомъ кинжала, а нѣжнымъ поцѣлуемъ я была возвращена къ жизни. Но я не буду забѣгать впередъ, а разскажу все по порядку. Я дочь русскаго помѣщика, хотя и католика. Я получила воспитаніе въ монастырѣ и начала жизнь безъ малѣйшаго понятія о практической ея сторонѣ. Моя впечатлительная и поэтическая натура получила совершенно идеальный, мечтательный характеръ; я была вполнѣ не-

виннымъ, ничего непонимающимъ ребенкомъ, когда стала выѣзжать въ свѣтъ. Не смотря на то, что я не имѣла никакого приданаго, за мной многіе ухаживали, благодаря моей красотѣ и, какъ всѣ увѣряли, необыкновеннымъ достоинствамъ. Моя жизнь текла спокойно, и въ ней не произошло ничего замѣчательнаго, пока я случайно не познакомилась съ человѣкомъ, который долженъ былъ погубить меня. Его звали Позднышевъ. Что это, святой отецъ, вы какъ будто вздрогнули? Вы слыхали его имя и его исторію? Но если вамъ известна эта исторія убійцы своей жены, то вы слыхали только одну ея сторону, а я вамъ теперь разскажу другую. Но успокойтесь, святой отецъ, вы поблѣднѣли какъ смерть. Передъ вами стоитъ не призракъ женщины, которую Позднышевъ и весь міръ считаетъ мертвою, но она сама.

— Продолжай, дочь моя, промолвиль моихъ, едва скрывая свое смущеніе.

— Этотъ Позднышевъ произвелъ на меня совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ другіе мои поклонники. Онъ обращался съ женщинами очень почтительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какою-то чарующею нѣжностью, и я тотчасъ подпала подъ его вліяніе, не подозрѣ-

вая, что это привлекательное обращение было плодомъ его близкаго знакомства съ женщиными и его сластолюбивой натуры. Молодая дѣвушка, при моемъ темпераментѣ, быстро ввѣряется тому, кто ей нравится. Ея иллюзія можетъ исчезнуть только отъ горькаго опыта, а для меня этимъ горькимъ опытомъ было замужество. Даже теперь, когда забвение было бы для меня такимъ счастіемъ, я невольно вспоминаю, какъ счастливо билось мое сердце въ тотъ радостный вечеръ, когда я сдѣлалась невѣстою Позднышева. Я вижу передъ собою, какъ мы катались въ лодкѣ, при лунномъ свѣтѣ, и слышу, какъ онъ пламенно восторгался моими локонами, какъ клялся, что я была единственная женщина на свѣтѣ, которую онъ любилъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я также помню, что послѣ нашей свадьбы онъ отзывался съ презрѣніемъ объ этомъ вечерѣ. Онъ говорилъ, что если бы не луна, мои локоны и хорошо сшитое платье, то онъ не потерялъ бы своего сердца. Вѣроятно, онъ былъ правъ, потому что дѣйствительно мужчины любятъ женщинъ за ихъ физическія прелестіи и ту покорность, съ которой они подчиняются ихъ чувственнымъ стремленіямъ. Хотя, быть можетъ, большинство женщинъ

инстинктивно это понимаютъ, но ни одна невинная, безпорочная девушка не можетъ себѣ представить всей глубины той нравственной бездны, въ которую часто повергаетъ ее человѣкъ, давшій клятву передъ Богомъ уважать свою жену и беречь ее. Я недолго была невѣстой Поздышева; при своей любви и дѣтскомъ довѣріи къ нему, я ждала съ нетерпѣніемъ нашей свадьбы, какъ чего-то великаго и священнаго, какъ события, которое дозволитъ мнѣ вѣчно жить съ нимъ въ безоблачномъ, идеальномъ счастіи. Однако, это время было единственнымъ счастливымъ періодомъ въ моей жизни, съ тѣхъ поръ какъ я соединила мою судьбу съ судьбой Поздышева, и, однако, даже тогда онъ нашелъ нужнымъ отравить мое счастіе. Я никогда не забуду той роковой минуты, когда онъ показалъ мнѣ свой дневникъ, выказывавшій его въ такомъ отвратительномъ видѣ, что болѣе опытная женщина тотчасъ бы отказалась отъ него на вѣки; но я была невиннымъ ребенкомъ, и любила его, а потому я простила ему все и вѣрила, что любовь ко мнѣ переродила его, что онъ уже былъ неспособенъ на такие гнусные поступки, въ которыхъ онъ каялся въ своемъ дневникѣ. О, какая страшная иллю-

зія, қакое ослѣпленіе то, что люди называютъ любовью! Минутная размолвка, причиненная чтеніемъ его дневника, быстро уладилась, и я всецѣло занялась приготовленіями къ свадьбѣ. Наконецъ, это столь желанное событие настало, но мой медовый мѣсяцъ возбудилъ во мнѣ только одно горькое разочарованіе: вмѣсто сліянія сердецъ и идеального союза двухъ любящихъ существъ я увидѣла себя женою чудовища, къ которому я скоро почувствовала только презрительное отвращеніе. Онъ слѣдилъ за всѣми моими малѣйшими дѣйствіями съ обидною подозрительностью и звѣрской ревностью. Я хорошо помню, какъ, не имѣя уже болѣе возможности скрывать своихъ чувствъ въ его присутствіи, я старалась придать имъ такой видъ, что будто бы я горюю по матери; но когда онъ сталъ упрекать меня въ қапризахъ, то я перестала плакать и пришла въ такое гнѣвное раздраженіе, что онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Это была первая наша ссора, и съ тѣхъ поръ между нами зіяла такая бездна, что черезъ нее никто изъ насъ не могъ переступить.

Она тяжело перевела дыханіе и чрезъ минуту продолжала:

— За первой ссорой вскорѣ послѣдовала

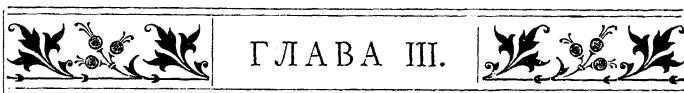
вторая и т. д., каждый разъ мы все болѣе и болѣе отчуждались другъ отъ друга. Легко себѣ представить, что при такихъ условіяхъ жизнь молодого безпорочнаго созданія, какъ я, была чистымъ адомъ. Дьявольская ревность Позднышева дошла наконецъ до того, что онъ подозрѣвалъ всякаго мужчину, говорившаго со мною о какомъ бы то ни было обыкновенномъ предметѣ, и даже ревновалъ меня къ моему первому ребенку, появленіе котораго было единственнымъ лучемъ свѣта въ моемъ мрачномъ существованіи. Затѣмъ пошли у меня другія дѣти, увеличились семейныя заботы, и мое здоровье, а главное нервы до того расшатались, что я положительно тогда же умерла бы, если-бы за мною не ухаживалъ нашъ добрый семейный докторъ, который предписалъ мнѣ временный отдыхъ, физической и нравственной. Это послужило источникомъ новой жестокой ссоры съ Позднышевымъ, который не хотѣлъ допустить до меня мерзавцевъ докторовъ, какъ онъ ихъ называлъ. Но въ этомъ случаѣ я была тверда и послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ родительскомъ домѣ возвратилась къ нему совершенно возвращившейся и веселой, какъ ребенокъ. Мнѣ тогда легче стало переносить его

несправедливости и жестокости, а вмѣстѣ съ тѣмъ я стала снова интересоваться тѣмъ, чтѣ усмѣжало меня въ дѣвичьи дни. Я серьезно принялась за музыку и въ короткое время стала первоклассной пианисткой. Но все это не нравилось Позднышеву, и его подозрительность, его жестокость увеличивались съ каждымъ днемъ, но я уже научилась смотрѣть на него совершенно равнодушно и не обращать вниманія на его постоянные упреки. Я хорошо помню, что однажды онъ отвернулся отъ меня и пробормоталъ сквозь зубы: „проклятая, она все хороша“. Я также помню, что эти слова возбуждали во мнѣ какое-то странное, радостное чувство; мнѣ было приятно знать, что хоть красоту во мнѣ не могъ уничтожить мой тиранъ. Такъ шла моя жизнь, когда неожиданно на сцену явился Трухачевскій, которому суждено было совершенно измѣнить ее. Всѣ мелкія подробности моего первого свиданія съ нимъ ясно сохранились въ моей памяти. Я часто слыхала отъ Позднышева о немъ, но со времени нашей свадьбы онъ постоянно жилъ въ Парижѣ. Въ тотъ вечеръ, когда онъ впервые приѣхалъ къ намъ, я была особенно хороша и послѣ его отѣзда замѣтила это съ большимъ удовольствиемъ. Это

не значило, что я хотѣла произвести на него особое впечатлѣніе, но просто происходило отъ инстинктивнаго желанія всякой женщины нравиться. Я также помню, какъ меня удивило, что Позднышевъ любезно пригласилъ Трухачевскаго привести съ собой въ тотъ же вечеръ скрипку и сыграть со мною что-нибудь; я тотчасъ поняла, что онъ сдѣлалъ это изъ желанія испытать меня и доставить себѣ случай ревниво слѣдить за женой въ обществѣ чужого мужчины. Трухачевскій былъ именно такой человѣкъ, котораго любятъ женщины и ненавидятъ мужчины. Съ ними онъ обращался рѣзко, холодно, а съ женщинами, напротивъ, былъ очень мягокъ и нѣженъ. Онъ былъ красивъ собой и хотя отличался музыкальнымъ гeniemъ, но заботился о своей внѣшности не менѣе свѣтскихъ франтовъ. Право, удивительно какая странная судьба побудила Позднышева настоять на нашемъ болѣе близкомъ знакомствѣ. Когда онъ уѣхалъ, въ первый же вечеръ я вполнѣ сознала, что, если позволяютъ обстоятельства, этотъ музыкантъ могъ пополнить пустоту моей тогдашней жизни. Я не рисовала себѣ нашихъ будущихъ отношеній ни въ какомъ опредѣленномъ видѣ, но чувствовала, что, узнавъ его,

я уже была не одна на свѣтѣ, какъ прежде. Впослѣдствіи я узнала, что и Трухачевскій почувствовалъ то же самое. Прочелъ-ли въ нашихъ лицахъ Позднышевъ эти взаимныя ощущенія,—я не знаю, но онъ пристально слѣдилъ за нами впродолженіе всего вечера, и я ясно видѣла на его лицѣ знакомые мнѣ слѣды ревности. Что касается до меня, то я провела этотъ вечеръ такъ пріятно, какъ я уже много лѣтъ не проводила ни одного вечера, тѣмъ болѣе, что Трухачевскій игралъ на скрипкѣ, какъ настоящій артистъ, и я съ удовольствіемъ аккомпанировала ему. Прощаюсь съ нимъ, Позднышевъ снова обнаружилъ необыкновенную любезность и просилъ его какъ можно чаще посещать насъ. Эти любезныя приглашенія онъ повторялъ и въ слѣдующіе визиты Трухачевскаго, такъ что онъ сталъ бывать у насъ очень часто.

Снова монахиня умолкла и схватилась рукой за сердце, словно боясь, что оно разорвется. Глаза ея закрылись и губы приняли мертвенно-блѣдный оттѣнокъ. Патеръ Винцентъ смотрѣлъ на нее съ лихорадочной дрожью: такъ походила она на мертвеца.

ГЛАВА III.

Прошло десять минутъ, прежде чѣмъ странная посѣтительница возобновила свою исповѣдь.

— Безполезно отрицать, что не прошло и полгода, какъ Трухачевскій сдѣлался лучезарнымъ свѣточемъ моей жизни. Тысячью различныхъ способовъ указывалъ онъ на свою любовь, и совершенно естественно, что такое разбитое, несчастное существо, какъ я, живо откликнулось на это искреннее чувство. В продолженіе всей нашей дружбы онъ не позволилъ себѣ ни малѣйшей фамильярности. Клянусь Господомъ Богомъ, что наши отношенія были самыя невинныя. Снова жизнь стала казаться мнѣ полной надеждъ, но неожданно, съ быстротой грозы, набѣгающей на безоблачномъ, лѣтнемъ небѣ, ревность Поздышева разразилась надъ моей головой. Онъ самъ пригласилъ на обѣдъ нѣсколькихъ знакомыхъ, чтобы послушать вечеромъ игру Тру-

бѣгствомъ и въ сосѣдней комнатѣ упала въ обморокъ. Когда я очнулась, со мною сдѣлалась страшная истерика. Дѣло кончилось прѣзѣннымъ примиренiemъ: онъ просилъ прощенья и цѣловалъ меня. Я его простила. Онъ сознался, что ревновалъ меня къ Трухачевскому, но мы рѣшили, послѣ нашего примиренія, что обѣдъ всетаки состоится, такъ какъ мы не желали, чтобы кто нибудь изъ гостей могъ заподозрить настоящую причину его отмѣны. Но я положила въ глубинѣ своего сердца предупредить о случившемся Трухачевскаго и прекратить послѣ этого обѣда наши прежнія отношенія. Случай для такого объясненія представился наканунѣ, вечеромъ, когда онъ явился для репетиціи, такъ какъ мы должны были играть вдвоемъ; Поздышева тогда не было дома. Одному небу известно, какъ мнѣ было тяжело вырвать изъ своей мрачной жизни единственный въ ней свѣтлый лучъ, и я никогда не забуду того выраженія его красиваго лица, съ которымъ онъ выслушалъ мой разсказъ о происшедшей между мной и Поздышевымъ сценѣ. Онъ умолялъ меня отказаться отъ моей рѣшимости, какъ человѣкъ, приговоренный къ смерти, умоляетъ о пощадѣ; но я осталась непреклонной и объявила ему,

что на следующий день мы увидимся съ нимъ въ послѣдній разъ. Наступило это роковое завтра. Обѣдъ прошелъ, какъ обыкновенно, гости всѣ были на лицо, и затѣмъ начался обѣщанный концертъ. Я сѣла за фортепіано; но сердце у меня страшно билось. „Въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ“, шепталъ мнѣ какой-то голосъ, словно похоронный звонъ. Я такъ была взволнована, что руки мои дрожали. Вѣроятно, Поздышевъ замѣтилъ мое смущеніе, но я полагаю, что онъ объяснилъ его моимъ страхомъ играть при публикѣ съ такимъ извѣстнымъ артистомъ. Безъ сомнѣнія онъ замѣтилъ, что мы пристально съ Трухачевскимъ смотрѣли другъ на друга. Артистъ былъ блѣденъ, какъ смерть, но ни одинъ мускуль лица не обнаружилъ его волненія; рука его не дрогнула, когда онъ взялъ смычекъ и провѣль по струнамъ. Потомъ онъ нагнулся ко мнѣ, словно желая сказать что-то относительно нашей игры, и промолвилъ шепотомъ: „въ звукахъ этой музыки наши души сольются“. Дѣйствительно, пьеса, которую мы должны были исполнять, выражала всѣ страсти человѣческаго сердца. Это была чудная „Крейцерова соната“ Бетховена, который, какъ Шекспиръ, великий мастеръ выражать че-

ловѣческія страсти, и если когда нибудь музыка выражала любовь, то удивительная игра Трухачевскаго дышала ею. Что касается до меня, то я играла машинально, такъ всецѣло я отдалась упоенію той пламенной любви, которая звучала въ каждомъ звукѣ его скрипки. Въ моихъ ушахъ до сихъ поръ раздаются страстные темпы первыхъ строфъ presto, которые дѣйствовали на меня опьяняющимъ образомъ. Игра любимаго человѣка гипнотизировала меня, и я весь вечеръ оставалась подъ ея чарующимъ вліяніемъ.

ГЛАВА IV.

— Когда всѣ гости разѣхались, то мной овладѣло совершенное отчаяніе. Я закрыла фортепіано и почувствовала себя совершенно одинокой. Два дня прошли тоскливо, мучительно, и я тщетно старалась заглушить свое горе заботами о дѣтяхъ и хозяйствѣ. На третье утро Позднышевъ неожиданно объявилъ, что онъ уѣзжаетъ по дѣламъ на недѣлю. Я всегда

радовалась его отъѣздамъ, но они обыкновенно продолжались не болѣе двухъ дней. Такое долгое отсутствіе ненавистнаго человѣка доставило бы мнѣ громадное удовольствіе, если бы я не была такъ опечалена разлукой съ Трухачевскимъ. Въ день отъѣзда Позднышева я получила письмо, при видѣ которого кровь бросилась мнѣ въ голову. Оно было отъ Трухачевскаго, и онъ увѣдомлялъ меня, что утромъ проводилъ на желѣзную дорогу Позднышева, а самъ на-дняхъ уѣзжаетъ въ Парижъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться въ Россію. Въ концѣ письма онъ умолялъ меня, въ самыхъ пламенныхъ, страстныхъ выраженіяхъ дозволить ему проститься со мною. Каждое его слово дышало такою искреннею любовью, что моя рѣшиимость поколебалась, и я отвѣтила, что жду его на другой день вечеромъ.

Она остановилась и съ трудомъ перевела дыханіе, словно воспоминаніе о прошломъ возбуждало въ ней невыносимая страданія.

— Позвольте мнѣ, святой отецъ, сократить, по возможности, разсказъ о самыхъ тяжелыхъ минутахъ моей жизни, продолжала она глухимъ голосомъ: на слѣдующій вечеръ Трухачевскій явился, и я удивляюсь, что никакое предчувствіе не подсказало мнѣ, что

это послѣдній счастливый вечеръ въ моей жизни, что меня ждетъ чрезъ нѣсколько часовъ страшная катастрофа. Только мысль, что я вскорѣ разстанусь съ любимымъ человѣкомъ, омрачала эти блаженные часы. Время шло быстро, и мы не замѣтили, какъ прошло двѣ-надцать часовъ. Тогда мы перешли въ столовую и сѣли за столъ, чтобы перекусить; но неожиданно дверь отворилась, и предъ нами предсталъ Позднышевъ. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть и держалъ руки за спиной. Вѣроятно, выраженіе моего лица и черты Трухачевскаго обнаружили наше удивленіе, страхъ и, быть можетъ, неудовольствіе, вызванное такимъ непрѣятнымъ сюрпризомъ. Трухачевскій первый нарушилъ молчаніе и сказалъ: „а мы занимались музыкой“. Я же воскликнула: „вернулся раньше, чѣмъ ожидали“. Блѣдныя губы Позднышева безмолвствовали. Вдругъ онъ дико бросился на меня, стараясь скрыть отъ Трухачевскаго кинжалъ, которымъ онъ хотѣлъ, очевидно, ударить меня въ сердце, или въ горло. Но блескъ кинжала обратилъ на себя вниманіе Трухачевскаго, и онъ, схвативъ за руку Позднышева, громко крикнулъ: „что вы дѣЛАете! вы съума сошли?.. Люди!..“ Никогда я не видала ничего отвра-

тительнѣе лица Позднышева въ ту минуту, какъ онъ вырвался изъ рукъ Трухачевскаго и въ свою очередь набросился на него; но, не смотря на его безуміе и блестѣвшій кинжалъ, я думала только о томъ, чтобы онъ не убилъ человѣка, который былъ мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и, схвативъ его за руку, стала тянуть изо всей силы. Какъ онъ ни старался освободиться отъ меня, я удержала его на столько, что доставила возможность Трухачевскому скрыться изъ комнаты. Тогда Позднышевъ обернулся и ударилъ меня изо всей силы по лицу. Я вскрикнула и упала на кушетку, громко воскликнувъ: „между нами нѣтъ ничего, ничего, ничего. Клянусь!...“ Мои слова какъ будто увеличили его злобу, и, схвативъ меня за горло, онъ сталъ безжалостно душить. Обѣими руками я старалась оторвать его руки отъ своего горла, но онъ неожиданно ударили меня въ лѣвый бокъ кинжаломъ.

И она показала рукой на то самое мѣсто, гдѣ вонзился кинжалъ между ея ребрами.

— Боже мой! воскликнула она: съ тѣхъ поръ не было ни дня, ни часа, чтобы я не чувствовала боли въ этомъ мѣстѣ. Я захватилась обѣими руками за кинжалъ, обрѣзала

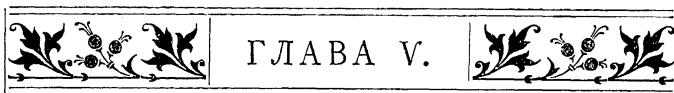
себѣ пальцы, но не могла предотвратить удара... Но онъ этимъ не удовольствовался и, сбросивъ меня съ кушетки на полъ, наступилъ мнѣ ногой на лицо. Я смутно помню, что въ эту минуту въ комнату вбѣжала старая няня. Кровь текла ручьемъ изъ моей раны, и я лишилась чувствъ. Когда я пришла въ себя, то лежала на кровати, и въ комнатѣ пахло карболкой. Не успѣла я открыть глаза, какъ къ кровати подошелъ Позднышевъ и молча посмотрѣлъ на меня. При видѣ его вся страшная сцена возстала передо мной, и я тихо промолвила: „ты убилъ меня, и я не отдамъ тебѣ ни одного изъ дѣтей: ихъ возьметъ сестра. Я тебя ненавижу! я тебя ненавижу!..“ Послѣ этого я чувствовала, что совершенно похолодѣла и не могла ни двигаться, ни произнести ни слова, хотя сознавала все, что творилось вокругъ меня. Мой старый другъ докторъ вскорѣ подошелъ къ кровати и, пощупавъ пульсъ, сказалъ: „она умерла...“ Затѣмъ наступили всѣ страшныя приготовленія къ погребенію, и меня положили въ гробъ. Боже мой, что я тогда выстрадала! Меня принимали за мертвую, и я не могла сказать, что я жива. Когда смерклось, моихъ бѣдныхъ дѣтей увезли изъ комнаты, и я осталась одна

на ночь. Прошло нѣсколько часовъ, какъ вдругъ я услышала два голоса: одинъ принадлежалъ старой нянѣ, а другой Трухачевскому. „Меня прислалъ за себя вашъ патерь, который очень болѣнъ“, сказалъ онъ, и я тутъ увидѣла, что на немъ была ряса католическаго патера. Старая няня, бывшая также католичкой, набожно перекрестилась и оставила насъ вдвоемъ. Онъ приблизился къ гробу и, приподнявъ покрывало, лежавшее на моемъ лицѣ, произнесъ: „Боже Милостивый!“ — и отшатнулся отъ меня съ ужасомъ: очевидно, я была такъ страшна. Но потомъ онъ взялъ мою холодную руку и, нѣжно проводя по ней своей рукой, промолвилъ: „бѣдная, кто бы могъ это подумать!“ Отъ его прикосновенія пробѣжала по моему тѣлу какъ бы электрическая искра. Онъ нагнулся ко мнѣ, и я почувствовала, что горячая слеза упала на мою щеку. Эта слеза и прикосновеніе любимаго человѣка возвратили меня къ жизни. Я, съ неимовѣрнымъ усилиемъ, громко перевела дыханіе и промолвила: „спаси меня!“ Онъ воскликнулъ: „Боже Милостивый! ее хоронятъ живую!...“ и приподнялъ мнѣ голову. „Слава Богу, прибавилъ онъ шепотомъ, что я пришелъ во время, но будь осторожна, а то все

погибло; черезъ часъ я вернусь, и ты будешьъ моей, моей на всегда!...“

Его слова сразу перенесли меня на небо. Страшный гробъ, въ которомъ я провела самыя тяжелыя минуты моей жизни, показался мнѣ самымъ нѣжнымъ, роскошнымъ ложемъ. Я даже забыла свое страданіе, свое роковое положеніе и помнила только одно, что смерть возвратила мнѣ любимаго человѣка. При этомъ все сознаніе виновности, которое всегда сопровождаетъ незаконную любовь, совершенно исчезло, потому что смерть лишила мою любовь ея преступнаго характера и отдала меня ему столь же невинной и непорочной, какъ въ ту минуту, когда я сдѣлалась женою Поздняшева. Пока я ждала возвращенія Трухачевскаго, въ комнату вошла старая няня, и я боялась, чтобы она не услышала біенія моего сердца; но она потушила нѣсколько восковыхъ свѣчей и зажгла другія, а затѣмъ удалилась изъ комнаты. Когда-же Трухачевскій дѣйствительно возвратился, то онъ вошелъ такъ тихо, что я его не замѣтила, пока, подойдя ко мнѣ, онъ не произнесъ шепотомъ: „мужайся, голубушка, еще нѣсколько минутъ,—и все будетъ кончено“... Онъ положилъ подлѣ гроба очень тяжелый мѣшокъ и, приподнявъ меня, взяль

на руки, какъ ребенка. Тутъ я лишилась чувствъ и очнулась только въ каретѣ. Впослѣдствіи я узнала, что Трухачевскій положилъ въ гробъ принесенный имъ мѣшокъ со свинцомъ и, закрывъ крышкой, торопливо заколотилъ его. Послѣ этого онъ отыскаль старую няню и сказалъ ей, что не слѣдуетъ болѣе открывать гроба, такъ какъ тѣло начало разлагаться и вообще было бы святотатствомъ подвергать несчастную убитую женщину праздному любопытству зѣвакъ. Старуха перекрестилась и заявила, что его приказанія будутъ исполнены. Наконецъ Трухачевскій быстро удалился и, сѣвъ въ карету, приказалъ кучеруѣхать какъ можно скорѣе.

ГЛАВА V.

— Какъ онъ по дорогѣ снялъ свою рясу и какъ отвезъ меня въ частную лечебницу, гдѣ оставилъ на попеченіи сестры милосердія, я узнала только впослѣдствіи. Онъ вынужденъ былъ это сдѣлать, какъ въ виду моего бо-

лѣзеннаго, слабаго состоянія, такъ и изъ опасенія, чтобы не открылось мое похищеніе. Самъ же онъ уѣхалъ въ Парижъ и поручилъ сестрѣ милосердія проводить меня туда, какъ только я буду въ силахъ предпринять это путешествіе. Никогда я не забуду своего выздоровленія: я жила лишь мыслю, что вскорѣ увижуся съ Трухачевскимъ, и съ нетерпѣніемъ ожидала его ежедневныхъ писемъ. Прошедшееказалось мнѣ какимъ-то страшнымъ сномъ. Я даже забыла о своихъ дѣтяхъ. Я действительно чувствовала, что воскресла изъ мертвыхъ и что предо мной открывается новая жизнь, полная радужныхъ надеждъ. Главною моей слабостью всегда было гордое сознаніе своей красоты, и когда я впервые увидала въ зеркалѣ свое изуродованное,вшавшее ужасъ, лицо, то я проплакала нѣсколько дней и ночей. Болѣе всего меня пугала мысль, чтобы Трухачевскій не разлюбилъ меня такую.

Въ моихъ письмахъ къ нему я откровенно объяснила поразившее меня горе и только тогда успокоилась, когда онъ, въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ, клялся никогда не разлюбить меня. Наконецъ наступилъ мой отѣздъ изъ Россіи и вскорѣ потомъ я увидала въ Парижѣ Трухачевскаго, съ которымъ

уже не должна была разставаться никогда въ жизни. Но въ ту самую минуту, какъ я увидала его, такого красиваго, такого страстно-влюбленнаго, снова проснулось въ моемъ сердцѣ опасеніе, чтобъ его не испугало мое обезображенное лицо. Долго я поэтому не поднимала своего густого вуаля и совершенно забылась въ порывѣ пламенной любви. Онъ прижималъ меня къ своему сердцу, горячо обнималъ и страстно шепталъ, что я его, его на вѣки. Это были минуты безумнаго счастія, но оно продолжалось недолго...

Она умолкла, ея глаза засверкали какимъ-то страннымъ блескомъ, и, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, она продолжала съ иронической улыбкой:

— Въ одно мгновеніе безумное счастье замѣнилось безумнымъ отчаяніемъ. Но теперь мое сердце холодно какъ камень, и я могу все припомнить, что произошло тогда, безъ злобы и сожалѣнія. Когда я впервые приподняла вуаль, то Трухачевскій отскочилъ въ ужасѣ, котораго онъ не могъ скрыть, не смотря на всѣ свои усилия. Его красивое лицо отуманилось, онъ провелъ рукой по своимъ глазамъ и произнесъ глухимъ голосомъ: „бѣдная голубушка. Прости меня, но я такъ по-

раженъ, что позволь мнѣ придти въ себя“. И съ этими словами онъ удалился.

— Я болѣе никогда его не видала, потому что въ одну минуту вся моя любовь къ нему превратилась въ ненависть, и, не дожидаясь его возвращенія, я бросилась на желѣзную дорогу и уѣхала изъ Парижа. Спустя нѣсколько времени я отправилась въ Англію и поступила въ состѣній монастырь, гдѣ в продолженіе многихъ лѣтъ тщетно старалась вести святую жизнь и пересилить свою ненависть ко всѣмъ мужчинамъ. Но теперь, видя вашу святость, я снова вѣрю въ то, что могутъ быть на свѣтѣ хорошие люди, и вамъ первому открыла свое сердце, вамъ первому разсказала исторію своей несчастной жизни.

Патеръ Винцентъ молча взялъ ее за руку и подвелъ къ алтарю, передъ которымъ она преклонила колѣна.

— Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, отпускаются грѣхи твои, дочь моя, произнесъ онъ съ глубокимъ чувствомъ.

Слова его были прерваны рыданіями несчастной женщины, но послѣ этихъ рыданій она почувствовала, что ей стало легко на сердце.

— Дочь моя, продолжалъ онъ, когда она

встала и тихо отирала слезы:— тебе также, какъ и мнѣ, недоступны теперь человѣческія страсти, но я все-таки не желаю, чтобы въ твоемъ сердцѣ осталась горечь противъ этого человѣка; я не буду его защищать, потому что онъ такой-же грѣшникъ, какъ ты, но ты не права, обвиняя его въ томъ, что онъ бросилъ тебя. Онъ искалъ тебя по всему свѣту и, убѣдившись, что ему никогда не найти тебя, поступилъ въ монахи.

— Почему вы это знаете? спросила она, дрожащимъ голосомъ.

Патерь Винтентъ ничего не отвѣталъ, а только пристально взглянуль на свою исповѣдницу. Ихъ глаза встрѣтились. Въ эту минуту лицо бенедиктинца какъ бы преобразилось, и въ немъ исчезли всѣ слѣды, наложенные на него временемъ и горемъ. Конечно, его волоса порѣдѣли и посѣдѣли, нѣкогда блѣлые руки артиста погрубѣли, но глаза его сохранили свою прежнюю, чарующую прелестъ, только они сіяли теперь не страстной земной любовью, какъ нѣкогда, а идеальнымъ, лучезарнымъ, небеснымъ свѣтомъ.

Съ громкимъ крикомъ радости она узнала его. Долго они смотрѣли другъ на друга въ нѣмомъ порывѣ восторга. Они теперь были

словно существами иного мира, которые, познавъ всѣ тайны жизни и смерти, спокойно лицезрѣютъ прошедшее. Въ ихъ взглядахъ не видно было ни малѣйшаго слѣда земной страсти, хотя любовь ихъ отъ этого не стала меныше, а только приняла иной, святой характеръ. Подъ вліяніемъ этой безтѣлесной, возвышенной любви она казалась ему прежней красавицей, и онъ не видѣлъ передъ собою ни ея старости, ни ея обезображенаго лица. Эти два существа, такъ много выстрадавшія и такъ горячо любившія другъ друга, вполнѣ сознавали, что ихъ души были соединены вѣчными узами, и этого было для нихъ довольно. Они даже не протянули другъ другу руки; ихъ любовь теперь была слишкомъ возвышенна, чтобы унижаться до земныхъ ея проявленій.

Наконецъ она опустилась на колѣни и безмолвнымъ взглядомъ просила его благословенія.

— Да благословитъ тебя Господь, произнесъ онъ тихо: Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

— Аминь, прибавила она набожно.

И они медленно разошлись, чтобы никогда болѣе не встрѣчаться на этомъ свѣтѣ.

На слѣдующій день весь околодокъ съ

удивленіемъ узналъ, что всѣми любимый и уважаемый отецъ Винцентъ покинулъ свой монастырь; не удивилась этому только одна монахиня сосѣдней обители, но никому не открыла своей тайны.

Спустя годъ въ обширной кельи женской обители одна монахиня писала на полотнѣ ликъ какого-то святого, и окружавшія ее молодыя послушницы съ восторгомъ слѣдили за движеніями ея искусной руки. Неожиданно кисть выпала изъ ея рукъ, и она промолвила тихо, нѣжно:

— Наконецъ-то ты пришелъ за мной...

Голова ея опустилась на грудь, и спокойная, ласковая улыбка освѣтила ея лицо. Молодыя послушницы съ ужасомъ увидали, что она умерла.

Въ тотъ же день духовникъ обители получилъ телеграмму о смерти патера Винцента.

Они умерли въ одно и то же время.

